

Понимание как конструирование социальной реальности

А.В. Белокобыльский

Украинский институт стратегий глобального развития и адаптации, Киев, Украина

Аннотация

В статье предлагается интерпретация человеческого понимания как трехуровневого процесса подведения чувственного материала под интересубъективно закрепленный схематизм социальных игр, репертуар и общие характеристики которых (оформляющие тактические игровые цели, приоритеты, генеральные нормы и ценности) заданы онтологическим схематизмом культурных представлений о существующем как таковом. Онтологические схемы усваиваются каждым социализированным индивидом в качестве граничных представлений о порядке мироздания, возможном и невозможном и составляют предельный фон понимания. Система входящих в культурный репертуар социальных игр, предполагающая определенную конфигурацию культурного поля собственной реализации и тип субъектности, а также специфическую рациональность как инвариант и медиатор социального действия, конституирует жизненный мир определенной культуры. Показано, что устойчивые эмпирические комплексы – вещи – являются функциями социальных игр, которые, в свою очередь, не могут фальсифицировать культурную онтологию, а потому фундаментальные представления культурного субъекта о мире, обществе, человеке остаются стабильными в течение продолжительного времени. В прошлом смены онтологического схематизма можно связать с ломкой культурных парадигм при переходе, например, от античной культуры к христианству. Вместе с тем целенаправленная актуализация различных «регионов» жизненного мира даже в краткосрочной перспективе способна изменить убеждения определенной социальной группы или сообщества в целом. Если процесс понимания как подведения эмпирического материала под игровую и онтологический схематизм можно отождествить с конструированием социальной реальности, то в целенаправленной манипуляции репертуаром социальных игр (с помощью СМИ, соцсетей, политических решений, политтехнологий и т.д.) нельзя не увидеть вмешательство в естественные процессы воспроизводства смыслового универсума культуры.

Ключевые слова: эпистемология, эмпирический материал, жизненный мир, игра, схема, смысл.

Белокобыльский Александр Владимирович – доктор философских наук, профессор, глава Киевского отделения Украинского института стратегий глобального развития и адаптации.

alexwh@ya.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6251-650X>

Для цитирования: Белокобыльский А.В. Понимание как конструирование социальной реальности // Философские науки. 2021. № 4. С. 94–109. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-4-94-109

Understanding as the Construction of Social Reality

A. V. Belokobylskyi

Ukrainian Institute of Strategies of Global Development and Adaptation, Kyiv, Ukraine

Abstract

The article suggests an interpretation of human understanding as a three-level process of aligning sensory material with intersubjectively fixed patterns of social games, whose repertoire and general characteristics (which shape tactical game goals, priorities, general norms, and values) are ordered by the ontological schemes of cultural ideas about existence as such. Ontological schemes are assimilated by each social individual as limiting notions of the order of the universe, of the possible and the impossible, and such schemes constitute the limiting background of understanding. The system of social games, which are included in the cultural repertoire, presupposes a certain configuration of the cultural field of its own realization and the type of subjectivity as well as a specific rationality as an invariant and mediator of social activity, and, therefore, this system constitutes the lifeworld of a specific culture. It is shown that stable empirical complexes (things) are functions of social games, which, in turn, cannot falsify cultural ontology. Due to that, the fundamental ideas of a cultural subject about the world, society, and a person remain stable for a long period. In the past, changes in ontological schematism could be associated with transitional breaks in cultural paradigms, for example, between ancient culture and Christianity. At the same time, purposeful actualization of various “regions” of the lifeworld, even in a short period, can change the beliefs of a particular social group or community as a whole. If the process of understanding in the form of translating empirical material into playing and ontological schematism can be identified as the construction of social reality, then, in the case of

purposeful manipulation of the repertoire of social games (via media, social networks, political regulations, political technologies, etc.), one cannot but see an external interference in natural processes of reproduction of the semantic universe of culture.

Keywords: epistemology, empirical material, lifeworld, game, scheme, meaning

Aleksandr V. Belokobylskiy – D.Sc. in Philosophy, Professor, Head of the Kyiv Branch of the Institute of Strategies of Global Development and Adaptation, Kyiv, Ukraine.

alexwh@ya.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6251-650X>

For example: Belokobylskiy O.A. (2021) Understanding as the Construction of Social Reality. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 64. no. 4, pp. 94–109.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-4-94-109

Введение

Конструирование социальной реальности, описанное Бергером и Лукманом как сложная последовательность экстернализации, объективации, интернализации, осуществляется человеком без профессиональной подготовки, легко и быстро. Это происходит в акте понимания. Понимание как предмет философского анализа рассматривается в самых разных ракурсах. Интересные дискуссии ведутся вокруг проблемы соотношения понимания и знания [Khalifa 2017], понимания и обоснования [Hills 2016], понимания и истины [de Regt, Gijsbers 2017], понимания и веры [Wilkenfeld 2017] и т.д.

Все, что открывается разуму в качестве некоторого значимого содержания, открывается в понимании. Та или иная степень понимания характеризует любое содержание в разуме как содержание собственно разума, т.е. разуму открытое. Это открытие и есть понимание. Даже непонимание переживается разумом как понимание собственного непонимания. На заре формирования герменевтической традиции в философии В. Дильтей видел в понимании «полную прозрачность восприятия определенной системы взаимосвязей» [Дильтей 2000, 286], которая достигается путем «переноса нашего внутреннего опыта на внешнюю фактичность» [Дильтей 2000, 419].

Вместе с тем понимание чего-то, открывающегося разуму, составляет существо бытия разума в качестве разума, а одновремен-

но и бытие человека как именно человека. М. Хайдеггер в «Бытии и времени» указывал, что «вот-бытие» конституируется пониманием, в котором видел один из «основных модусов присутствия» и «фундаментальных экзистенциалов», «со-конституирующих вот-бытие вообще» [Хайдеггер 2003, 168].

Содержание акта понимания служит исходным материалом для построения любого индивидуального разума, материалом, репрезентирующим внешний для разума предмет, т.е. что угодно из существующего вне разума и в самом разуме: чтобы нечто стало чем-то доступным разуму, оно должно быть понято, обнаружено разумом как нечто ему доступное и каким-то образом освоенное. Очевиден тот факт, что таковыми не могут быть внешние «вещи» или даже разрозненные чувственные данные. Более того, поскольку понимание является первым действием разума как собственно разума, вряд ли допустимо говорить и об «элементарных кирпичиках» понимания, из которых складывается нечто «разумное». Что же представляет собой понимание, что лежит в основе понятого, если в зависимости от нашего понимания в известной степени находятся, с одной стороны, разумность, человечность, социальность, с другой – фактичность существующей для понимающего разума реальности?

В понимании же разуму открывается нечто, выступающее одновременно и его содержанием, и чем-то, не сводящимся только к разуму, но являющимся в качестве чего-то, по крайней мере отчасти, ему внешнего – предмета мышления. Изложенный подход вполне согласуется со свежей интерпретацией М. Ханноном понимания как «ментального схватывания структуры отношений»¹. Удобнее всего назвать это содержание «смыслом», поскольку такое понятие объединяет и свойство принадлежности разуму, и способность отдельного, внешнего по отношению к индивидуальному разуму существования. На особенностях понимания смыслов как непосредственно данной разуму реальности, которая, с одной стороны, опосредует наш доступ к миру, знанию, опыту,

¹ Так, британский эпистемолог М. Ханнон замечает: «Из этих различных точек зрения мы можем вывести две общие идеи. Во-первых, мы можем видеть, что понимание, в отличие от знания, в первую очередь не связано с верой в индивидуальное суждение. Скорее, оно сосредоточено на том, что Бойд называет “ментальным представлением структуры отношений”. Во-вторых, мы видим, что широко признано, что понимание требует усваивания (освоения, познания)» [Hannon 2020, 19].

а с другой – составляет сердцевину разумной деятельности и того, что можно было бы назвать «сущностью разума», и необходимо сосредоточиться.

Смысл – первый объект разума

Полисемантичесность понятия «смысл» соответствует сложной структуре человеческого понимания. Под смыслом со времен греков понимается то, что разум «замечает», причем замечает не бессознательно, но осознавая [Кассен и др. 2011, 206]. Несмотря на то, что используемое греками понятие αἴσθησις имеет широкий спектр значений, его перевод посредством слова «смысл» сохраняет, возможно, связанную с ним центральную интуицию – открытие чего-либо разуму с помощью осознания, нечто, замечаемое разумом и заставляющее его хотя бы на мгновение «остановиться». Кроме того, понятие «смысл» традиционно связано с сутью некоторого явления или высказывания, характеризующей предмет разума с точки зрения его существенных характеристик. Третье, важнейшее значение слова «смысл» составляет то, что служит предназначением и целью существования.

Поскольку понимание направлено не на объекты внешнего мира или внутренние «образы» («чувства») и разум имеет дело непосредственно со смыслом – «разуморазмерным» (т.е. соразмерным рациональному постижению) измерением образов, чувств и объектов, необходимо указать источник смыслов и базис понимания, достигая которого разум удовлетворяется и считает нечто понятным. Речь идет не о социальных гарантах компетентности или доказательности, а о субъективном измерении разумности как непосредственной форме смыслообнаружения, в котором разум обнаруживает нечто, доступное пониманию, понимаемое и в этом состоянии не нуждающееся в дальнейшем осмыслении.

Характерной особенностью социального смысла (или просто смысла, который всегда конвенционален) является его индивидуальность или интересубъективность. Во-первых, социальная ситуация предполагает со-участников, во-вторых, она должна быть повторяема в пространстве и времени, в том числе с участием других индивидов; в-третьих, каждый полноценный человек должен в процессе воспитания получить доступ к определенному набору социальных практик, т.е. быть введен в них носителем социального знания. Интересубъективность смысла фиксируется языком, который несет в себе тотальность социальных практик

и ситуаций: возможность осмысленного употребления понятий, вероятнее всего, является обратной стороной социальной компетентности.

Рассуждая о «базисе» смысла, можно предположить, что его формируют далее не редуцируемые состояния тела, чувственности, эмоций, связанные с качественными переживаниями («квалиа»), но выходят за их пределы, захватывая сферу бессознательного. Это – знакомое нам чувство (состояние) «узнавания», чувство реальности (присутствия) чего-либо, не требующее иного подтверждения. Идентификация смыслов и переживание их понимания на разных уровнях может рассматриваться в качестве непосредственно разумной деятельности, деятельности разума или в качестве самого разума. «Момент понимания» или «осознания» определенного смысла связан со снятием ограничивающего волю – препятствия на пути человеческой деятельности, следовательно, и с некоторой формирующейся деятельной интенцией, телесной диспозицией. Поэтому момент понимания, «эврики», мы фиксируем зачастую не столько умом, сколько физиологическим ощущением эмоциональной разрядки, облегчения. Граница удостоверения (обнаружения) «присутствия» закладывается на уровне рефлекса, приобретенного в детстве, с помощью обучения, и помогает ориентироваться в мире на протяжении всей жизни.

Если не сосредоточиваться на психологических или физиологических деталях, то в понимании (разумении) следует выделить несколько слоев или, если угодно, аспектов, которые можно рассматривать и как характеристики разума, алгоритмы его деятельности, и как, соответственно, составляющие его философской дефиниции.

Первый уровень понимания: смысл как фиксация присутствия

Первый уровень понимания связан с раскрытием смысла образов, основанных на данных органов чувств. При этом понимание осуществляется «автоматически», на уровне закрепленных в детстве «физиологических» реакций на значимые чувственные комплексы, «узнавание» которых сопровождается специфическим эмоциональным всплеском и интенциональностью. Скорее всего, физиологическое состояние «понимания смысла» является обратной стороной нейрофизиологической «настройки» мозга на определенные артефакты в процессе первичной социализации в

той или иной культурной среде. Но даже апелляция к нейрофизиологии, к материальным структурам мозга, способна затемнить суть этого первоуровневого понимания, т.к. усмотрение функциональных зависимостей между физиологическим и феноменологическим измерениями понимания требует первичного «понимающего узрения», физиологических фактов, феноменологических фактов (или признаков их наличия при наблюдении со стороны исследователя) и наличия соответствия между ними.

В частности, раскрывая алгоритмы «первичного» понимания, мы раскрываем механизмы функционирования физиологии рассудка, преобразующего сигнал в смысл, помимо воли извлекающего информацию из чувственных данных (наподобие процессов рассудочного анализа и синтеза у Канта), которые сопровождаются чувством эмоционального удовлетворения (описываемого архимедовским возгласом «Эврика!») и определенной телесной диспозицией, настроенностью на действие (интенциональностью). Разум на этом уровне взаимодействия с реальностью выступает как инстанция «узрения смыслов», умное зрение, как главная человеческая способность, а внешний мир предстает перед человеком как эмпирическая реальность.

Однако «содержание» (в логическом отношении) некоторого «узреваемого» разумом смысла (эмпирического факта) нельзя отождествлять с «материальностью» и считать постоянной величиной. Любой «первичный» смысл в первую очередь следует рассматривать как социальную ситуацию, существующую лишь в определенном социальном контексте, который релевантен представлениям о внешнем мире, свойственным данному сообществу. Выбор между смыслами обряда инициации и лабораторного эксперимента, который «предпочтет» культурно «настроенный» разум, будет основываться на фундаментальных представлениях о структуре и природе реальности, объективно существующего, включая представления об обществе и человеке.

На уровне понимания эмпирического смысла это знание присутствует неявно, например, в субординации фиксирующих «эмпирические» («материальные») смыслы понятий, которая задана структурой видовых и родовых понятий, являющихся, в свою очередь, частью более масштабных понятийных систем, вплоть до систем категорий культуры. Иными словами, «узнавая» нечто, появляющееся в поле зрения (слуха, осязания и т.д.), человек «настраивается» на взаимодействие с воспринятым, делает это в виду

«смежных» с актуальной (той, в пределах которой воспринимается эмпирическая информация) социальных ситуаций и связанных с ними практик, вплоть до смысложизненных и мировоззренческих установок.

Вернее, мы всегда имеем дело с тотальностью социальных практик, вмещающих наши коллективные сценарии взаимодействия с реальностью, а эмпирические ситуации выделяются из этого множества в процессе специального научения, т.е. в материальном следует распознавать производную от социального знания, заставляющего субъекта в разные эпохи видеть «материальный объект» по-разному. Однако именно акт «первичного» понимания-узнавания эмпирического смысла целесообразно считать моментом актуализации смыслового универсума конкретной социальной реальности (и «отказом» от бесконечного множества других), в чем-то напоминающей исполнение музыкального текста. Именно интерпретацию эмпирического материала в соответствии с социально закрепленными смысловыми канонами можно трактовать как своеобразный «онтологический перформатив»: когда мы видим, что это и это реально существует, тем самым оно и реализуется в реальности как часть чего-то значительно большего, существование которого молчаливо предполагается и подтверждается.

Второй уровень понимания:

смысл как свернутое социальное действие

Второй уровень – это уровень понимания ситуации, на котором осуществляется выбор ракурса раскрытия эмпирического смысла. Данный тип понимания связан с целенаправленным (обусловленным определенным контекстом) отбором информации и целенаправленным «затемнением» конкурирующих смыслообразующих контекстов. Например, этическая, лингвистическая или прагматическая интерпретация ситуации требуют различной «настройки» мышления и чувственности. Лучшим примером могут служить отличия в понимании при чтении текста и рассматривании букв, из которых состоят его слова. Понимание второго уровня связано не с «запрограммированными» смыслами, а со спектром смысловых систем, актуализация которых уместна в определенной ситуации. Например, интерпретировав чей-то возглас как угрозу (на первом уровне понимания), мы можем расценить его как шутку (и посмеяться), испугаться и принять меры к защите или осудить как неуместное поведение.

На данном уровне понимание неотделимо от схематизма социальных действий, который может варьироваться в зависимости от существующего в той или иной культуре набора возможных сценариев социального реагирования на смыслы «первого уровня». Если речь идет о разумном, а не инстинктивном действии, оно будет «вписано» в социальный контекст, который, во-первых, входит в содержание жизненного мира культуры, во-вторых, находится в опыте конкретного индивида, интерпретирующего материал собственной чувственности.

Обратим внимание на два важных уточнения. Во-первых, культурный разум – интерпретатор смыслов жизненного мира – проявляется только в индивидуальном измерении, в разуме конечной человеческой экзистенции. Во-вторых, этот экзистенциальный разум всегда по необходимости социален, о чем в статье говорилось ранее. Иными словами, сценарии и контексты, в которых он может реализоваться как разум, – это коллективные действия, неосуществимые без наличия и соблюдения определенных правил, «полей» собственного осуществления и сообществ соблюдающих правила и границы полей социальных акторов. Поскольку и объекты, из которых состоит пространство социального действия, и связанные с его осуществлением в пространстве и времени ситуации (включая цели, приоритеты, ценности, принципы и т.д.), не могут быть определены вне самого этого действия или действия более масштабного, которое включает его в качестве своей части (но остается самореферентным социальным действием), уместно применить к ним название «социальная игра». Целесообразно вспомнить утверждения, приведенные нами ранее в статье «Социальная реальность. Институты интересубъективности», о том, что термины «игра» и «игровое поле» (по отношению к социальному пространству, в границах которого игра осуществляется) адекватны с точки зрения отсылки не только к самореферентности социальных действий игроков, но и с точки зрения характера процесса вхождения человека в игровые пространства культуры, а также исходя из сказанного о «языковых играх» Л. Витгенштейном [Белокобыльский, Левицкий 2018].

Прямым следствием из сделанных уточнений служит вывод о том, что второй уровень понимания, связанный с реализацией экзистенциального разума, становится возможен с учетом утверждения определенной культурной онтологии (смыслового поля игры), социальной идентичности (солидаризации с суще-

ствующим коллективом игроков, утверждения аксиологических и телеологических приоритетов коллектива в качестве собственных) и определенного типа рациональности (содержащейся в правилах социальных игр культуры).

В действительности второй уровень понимания неотделим от первого, и наоборот. Однако, подобно «узнаванию» на эмпирическом уровне, «понимание» второго уровня, которое традиционно связывают с пониманием рассудочным, обычно спонтанно и может регулироваться волевым усилием человека лишь после специальной «настройки» воли. Мы, как правило, находимся в социально значимой ситуации, помним о предыстории событий, имеем прогностические представления и сопоставляем реальные восприятия с некоторыми «шаблонами». Большая часть «нормальных» ситуаций на протяжении жизни человека отвечают данному описанию. Правила, стратегии, стандарты мышления и поведения в типичных ситуациях составляют основу нормальной жизнедеятельности человека, основу и (до известной степени) горизонт его мышления. В границах социальных практик происходит идентификация материальных вещей в качестве «подручных» значимых объектов (значимость которых и определяется подручностью), а оперирование вещами и значениями составляет суть социальных игр.

Понимание на втором из приведенных выше уровней в большинстве социальных ситуаций такое же спонтанное, как и на первом уровне «узнавания» смыслов, и оно определяется не врожденными категориальными формами, а формами социально детерминированными и приобретенными – исторически сложившимися и далеко не всегда «чистыми» и четкими. Ко всеобщему и априорному в некотором культурном разуме относятся именно «субъективная» форма их актуализации (в мышлении конечного числа индивидов) и интерсубъективная сущность их социального бытия. Однако эти, хотя каждый раз нуждающиеся в экспликации на основе герменевтических процедур, культурные *категориальные* системы и предшествуют осознанному субъективному опыту, и определяют его, они отвечают в то же время кантовскому определению трансцендентального. Но, полагаем, существенно отличаются от того, что Кант вкладывал в данное понятие.

На «пересечении» нашей способности ставить «узнанные» чувственные комплексы на место «переменных» в различных ситуа-

циях социальной игры формируется «объективная реальность»². В социально-игровом смысле можно говорить о наличии «игровой иерархии»: существуют такие типы «идеальных» социальных игр, которые влияют на границы, вид и правила игр «эмпирического» уровня, и даже на структуру актуального для данного сообщества социально-игрового репертуара. Понятия-категории, фиксирующие центральные смыслы генеральных для социума игр, во-первых, актуализируют определенные игры (кате­горию игр) в памяти каждого индивида, во-вторых, задают материальное поле социального процесса (как инобытие интересубъективной «настройки» каждого сознания), в-третьих, устанав­ливают иерархию целей и связанную с ней последовательность индивидуальных и коллективных действий. И, в-четвертых, именно опыт действий, предписанных этими категориальными для культуры играми-стратегиями, выступает в качестве основы понимания второго уровня: мы понимаем не абсолютно, а по отношению к своему культурному опыту. Соответственно, и понимание первого уровня будет определяться категориями социальных игр, выступающих по отношению к «материальному смыслу» первого уровня в качестве его трансцендентального условия. Можно утверждать, что понимание первого и второго уровней определяется доминирующими в конкретной культуре категориями, формирующими особенностями мышления и опыта, оставаясь при этом исторически изменчивыми. Вопрос о категориях культуры есть вопрос о понимании третьего уровня.

Понимание третьего уровня: смысл как смысло­жизненная стратегия

Наконец, третий уровень понимания связан с пониманием контекста, который включает в себя социальные игры второго уровня понимания, т.е. с пониманием мира как целого. Речь идет

² Как «мир внешних взаимодействий» с его «вещами, свойствами и отношениями» [Пановкин, 1976, 251]. Советский ученый Борис Пановкин еще в начале 1970-х писал: «Живой организм как продукт *самоорганизации* – это по существу единство организма с соответствующим образом выделенной средой. “Объективность” среды нельзя отделить от “объективности” существования самой самоорганизующейся системы. Точнее, нельзя расширить понятие объективности за пределы понимания ее как объективности по признаку существования – к “объективности” как “набору” некоторых конечных свойств среды “самой по себе”» [Пановкин 1976, 248].

о предельной из возможных социальной игре, опирающейся на категории культуры и оперирующей их значениями. С одной стороны, как следует из предыдущего рассуждения, объекты игры обладают наивысочайшим социальным статусом, а с другой – они принципиально сверхэмпиричны, идеальны. Такая предельная, онтологическая игра в «чистом» виде «разыгрывается» редко, хотя и обязательно присутствует в качестве контекста игр более низкого уровня. По сути, онтологическая игра – единственная игра, в которую «играет» человек в течение своей социальной жизни, но осознает он это далеко не всегда.

Понимание наличного (идентификация «материальных» объектов) и понимание возможного (выбор уместных потенциально успешных действий), т.е. понимание первого и второго уровней, осуществляется с учетом целей, заданных онтологической игрой. Праксиологическая координация социального действия дана человеку в виде «предзнания» возможного результата. Тем самым она опирается на «знание» возможного или невозможного, того, что может быть информацией, и того, что информация может нести в себе, в частности, представления об имманентном и трансцендентном, их соотношении, о мире, обществе, человеке. Речь идет как о «знании» социальных целей и рациональных стратегий, так и о месте разума в бытии, границах познания и самого разума, зависимости или автономности социальных установлений и норм от него. Это, кроме всего прочего, и уровень вопрошания о сути разума, его онтологическом месте.

Суть онтологической игры задает тип значений категорий культуры – мифическое повествование о путешествии предков, религиозный нарратив или представления о естественном рождении вселенной из первичной сингулярности. В ней задан тип онтологических сущностей объектов и субъектов, правила их идентификации и коммуникации между ними, промежуточные и генеральные цели социума и человека. Поскольку эмпирическая «верификация» категорий культуры, как правило (исключением могут быть некоторые мифические и религиозные «прямые» коммуникации с сакральными сущностями), опосредована социальными играми более низкого уровня, онтологическая игра актуализируется на уровне детерминации онтологического (стратегического) схематизма человеческого мышления и реализуется в экзистенциальной склонности каждого человека в каждый момент времени предпочесть те или иные социально-игровые сценарии

как более соответствующие онтологическим (аксиологическим, телеологическим, логическим, этическим и т.д.) детерминациям. Тотальность существующего критически зависит от того, каковы взгляды эпохи на трансцендентное и имманентное, их субординацию, от взглядов, которые, независимо от нашего желания, определяют экзистенциальный фокус каждого субъективного (индивидуального) разума.

Понимание третьего уровня в рамках онтологической социальной игры осуществляется путем предельной идентификации себя и других субъектов игры, уяснения структуры и границ игрового поля (в качестве которого выступает вся реальность), их судьбы и взаимоотношений, стратегий легитимных действий с учетом этого знания. Каждый из элементов такого предельного понимания, иногда по отдельности, а иногда в комбинации, влияют на организацию социальных игр менее высокого ранга – в виде понимания себя, своего долга и права, прошлого и будущего своего сообщества, жизненных возможностей и их границ. В онтологической игре вызревают и обитают «платонические значения» собирательных сущностей, которыми мы оперируем ежедневно и с которыми иногда (или никогда?) встречаемся в «эмпирической» реальности, подобных роду, нации, космосу, государству. «Схематизм» онтологической игры имеет вполне осязаемое когнитивное значение: мы подсознательно ограничиваем поле и сценарии социальных игр границами онтологически возможного, допустимого, желательного; ориентируемся на легитимные критерии истинного, методы рационализации (рационального обустройства, объяснения, доказательства и понимания), способы взаимодействия с миром и тем самым конструируем пространство социального действия – социальную реальность.

Заключение

Таким образом, понимание как модус бытия и условие реализации разумности – многоуровневый процесс. Сущность материальных вещей разум впервые находит только на уровне социальных игр, а окончательно постигает на уровне онтологическом. Поэтому в одной и той же, казалось бы, пространственно-временной ситуации, получаем разные эмпирические реальности: тотемическое животное (как живое воплощение первопредка и носителя его плоти) невозможно будет свести к научному биологическому виду; ни у первого, ни у второго не обнаружить бессмертную душу

(в отличие, например, от личности в христианстве). Это относится и к «материальным потребностям», которые будут существенно отличаться в различных онтологических системах: физиологический базис социального бытия, при разрушении которого человек погибает, может иметь разную структуру. Его необходимыми элементами могут быть, например, и запрет на поедание тотемических животных (для архаических сообществ), и императив личной свободы, сохранения достоинства (современность).

Несмотря на различие онтологических схем понимания третьего уровня (мифологических, религиозных, научной), они занимают практически одинаковое место в структуре социальной реальности. Очевидно, что между уровнями понимания существует субординация. Первый уровень зависит от второго, который «диктует», возможно ли безальтернативное понимание чувственной информации (как в мифе) или понимание будет регулироваться дихотомией «истинное/ложное» (как в религиозном мире), или понимание (как в мире «постправды») должно ориентироваться на требование целесообразности в конкурентной борьбе. Первые два уровня подчинены онтологическому схематизму третьего уровня понимания, т.к. и смыслы, и стратегии их отбора/утверждения изменяются в зависимости от его (схематизма) типа, а онтологические матрицы исторически изменяются.

Первый уровень понимания для конкретного действующего интеллекта жестко детерминирован: смысл либо открывается, либо не открывается. Но осознание «динамического коридора» значений, который предоставлен в социальном действе (в реальности мы всегда пребываем в потоке такого действия), позволяет варьировать плоскости возможных узрений смысла. Ширина и направленность «коридора» задаются онтологией вообще и онтологическим местом разума в частности. Поэтому «коридоры» в разных культурах могут не пересекаться, а на уровне буквального понимания будут отсутствовать схожие интерпретации «одного и того же» объекта – некоторой чувственно выделенной локации (вплоть до отсутствия консенсуса по поводу наличия этой локации). Кроме того, тотальность доступных индивиду (и сообществу) социальных игровых сценариев всегда превышает количество востребованных сценариев. За пределами их круга остаются устаревшие социальные игры, не набравшие популярности, «немодные». Востребованность же в современном мире чуть ли не синонимична причастности трендам, продвигаемым

глобальными социальными сетями и наднациональными СМИ. В зависимости от того, что и с какой окраской попадает в фокус их внимания, находятся не только симпатии и антипатии их аудитории, но и связанные с продвигаемыми сценариями социальных игр смыслы и идентичности.

Итак, конструирование, в том числе целенаправленное, социальной реальности трактуется как перенастройка процессов смыслопорождения, которая «запускается» перестройкой социальных игр и изменением игрового репертуара. Такое изменение прямо зависит от основания легитимации – «надэмпирического» уровня смыслов, который конституируется интересубъективными «настройками» индивидуальных сознаний. Соответствующая настройка, относящаяся, казалось бы, к имманентной сфере, перестраивает мир. В конструировании социальной реальности мир не создается буквально. Мы задаем вопросы и получаем ответы, которые и складываются в «объективный мир». Но то, на каком языке и с какими целями мы эти вопросы формулируем, с учетом того, кто на подобные вопросы отвечает, – все это сказывается на облике мира и конфигурации наших жизней.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Белокобыльский, Левицкий 2018 – Белокобыльский А.В., Левицкий В.С. Социальная реальность. Институты интересубъективности // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 77–89.

Дильтей 2000 – Дильтей В. Введение в науки о духе // Дильтей В. Собрание соч. В 6 т. Т. 1. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 270–730.

Пановкин 1976 – Пановкин Б.Н. Объективность знания и проблема обмена смысловой информацией с внеземными цивилизациями // Философские проблемы астрономии XX века. – М.: Наука, 1976. С. 240–265.

Кассен и др. 2011 – Кассен Б., Лож'е С., де Либера А., Розье-Каташ I., Спиноза Ж. Sens // Европейський словник філософій у 4 т. Т. 1 / під керівництвом Б. Кассен. – Київ: Дух і Літера, 2011. С. 205–226.

Хайдеггер 2003 – Хайдеггер М. Бытие и время. – Харьков: Фолио, 2003.

de Regt, Gijsbers 2017 – de Regt H.W., Gijsbers V. How False Theories Can Yield Genuine Understanding // Explaining Understanding: New Perspectives from Epistemology and Philosophy of Science / ed. by S. Grimm, C. Baumberger, S. Ammon. – New York: Routledge, 2017. P. 50–75.

Hannon 2020 – *Hannon M.* Recent Work in the Epistemology of Understanding // *American Philosophical Quarterly*. 2020. Vol. 58. No. 3. P. 269–290.

Hills 2016 – *Hills A.* Understanding Why // *Noûs*. 2016. Vol. 50. No. 4. P. 661–688.

Khalifa 2017 – *Khalifa K.* Understanding, Explanation, and Scientific Knowledge. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2017.

Wilkenfeld 2017 – *Wilkenfeld D.* Understanding without Believing // *Explaining Understanding: New Perspectives from Epistemology and Philosophy of Science* / ed. by S. Grimm, C. Baumberger, S. Ammon. – New York: Routledge, 2017. P. 318–334.

REFERENCES

Belokobylskiy A.V. & Levitskiy V.S. (2018) Social Reality. Institutions of Intersubjectivity. *Voprosy filosofii*. No. 10, pp. 77–89 (in Russian).

Cassin B., Laugier S., de Libera A., Rosier-Catach I., & Spinosa G. (2011) Sens. In: Cassin B. (Ed.) *European Vocabulary of Philosophies: Dictionary of Untranslatables* (Vol. 1, pp. 205–226). Kyiv: Dukh i Litera (Ukrainian translation).

de Regt H.W. & Gijsbers V. (2017) How False Theories Can Yield Genuine Understanding. In: Grimm S., Baumberger C., & Ammon S. (Eds.) *Explaining Understanding: New Perspectives from Epistemology and Philosophy of Science* (pp. 50–75). New York: Routledge.

Dilthey W. (2000) Introduction to the Human Sciences. In: Dilthey W. *Collected Works in 6 Vols.* (Vol.1, pp. 270–730). Moscow: Dom intellektual'noy knigi (Russian translation)

Hannon M. (2021) Recent Work in the Epistemology of Understanding. *American Philosophical Quarterly*. Vol. 58, no 3, p. 269–290.

Heidegger M. (2003) *Being and Time*. Kharkov: Folio (Russian translation).

Hills A. (2016). Understanding Why. *Noûs*. Vol. 49, no. 2, pp. 661–688.

Khalifa K. (2017) *Understanding, Explanation, and Scientific Knowledge*. Cambridge, UK: Cambridge University Press

Panovkin B.N. (1976) Objectivity of Knowledge and the Problem of Exchange of Semantic Information with Extraterrestrial Civilizations. In: Kazhutinsky V.V., Omelyanovsky M.E., & Sachkov Yu.V. (Eds.) *Philosophical Problems of Astronomy of the 20th Century* (pp. 240–264). Moscow: Nauka (in Russian).

Wilkenfeld D. (2017) Understanding without Believing. In: Grimm S., Baumberger C., & Ammon S. (Eds.) *Explaining Understanding: New Perspectives from Epistemology and Philosophy of Science* (pp. 318–334) New York: Routledge.